

СТИЛЬ ЖИЗНИ

с Николаем Климонтовичем

Деточкин, принц Датский

Десять лет назад от нас ушел Иннокентий Смоктуновский, народный артист нашего народа

Признаюсь, я никогда не был любителем Малого театра. Меня туда водила бабушка – в принудительном порядке. Я хотел мороженого, но должен был усвоить, что от ума тоже может случиться горе. Эта тонкая мысль мне, пятилетнему, была не слишком близка и потому малоусвояема.

Я заметил лишь, что Чацкий что-то очень печален. Я сообразил, что скорее всего ему тоже не дают крем-брюле в вафле. Не мог же я знать в самом деле, что в такой позе он поджидает декабристов...

В следующий раз в Малый я попал лишь спустя лет двадцать. Но уже не из-за пломбира – из-за Смоктуновского.

Он тогда только перебрался из Питера, и Малый был его первым московским театром.

но, что зал смирел на глазах. Он умел обращаться со зрителями. Когда мне случилось стать свидетелем этого фокуса, я узнал, что такое настоящий Актер...

Смеркалось. Я уже и сам кое-что делал для театра, когда однажды услышал застольный рассказ одной очень хорошей актрисы, которой довелось работать с Иннокентием Михайловичем во МХАТе в одном спектакле. Это была «Чайка». Постановщик этого ее варианта, Олег Николаевич Ефремов, не уводил исполнителей, сказав-

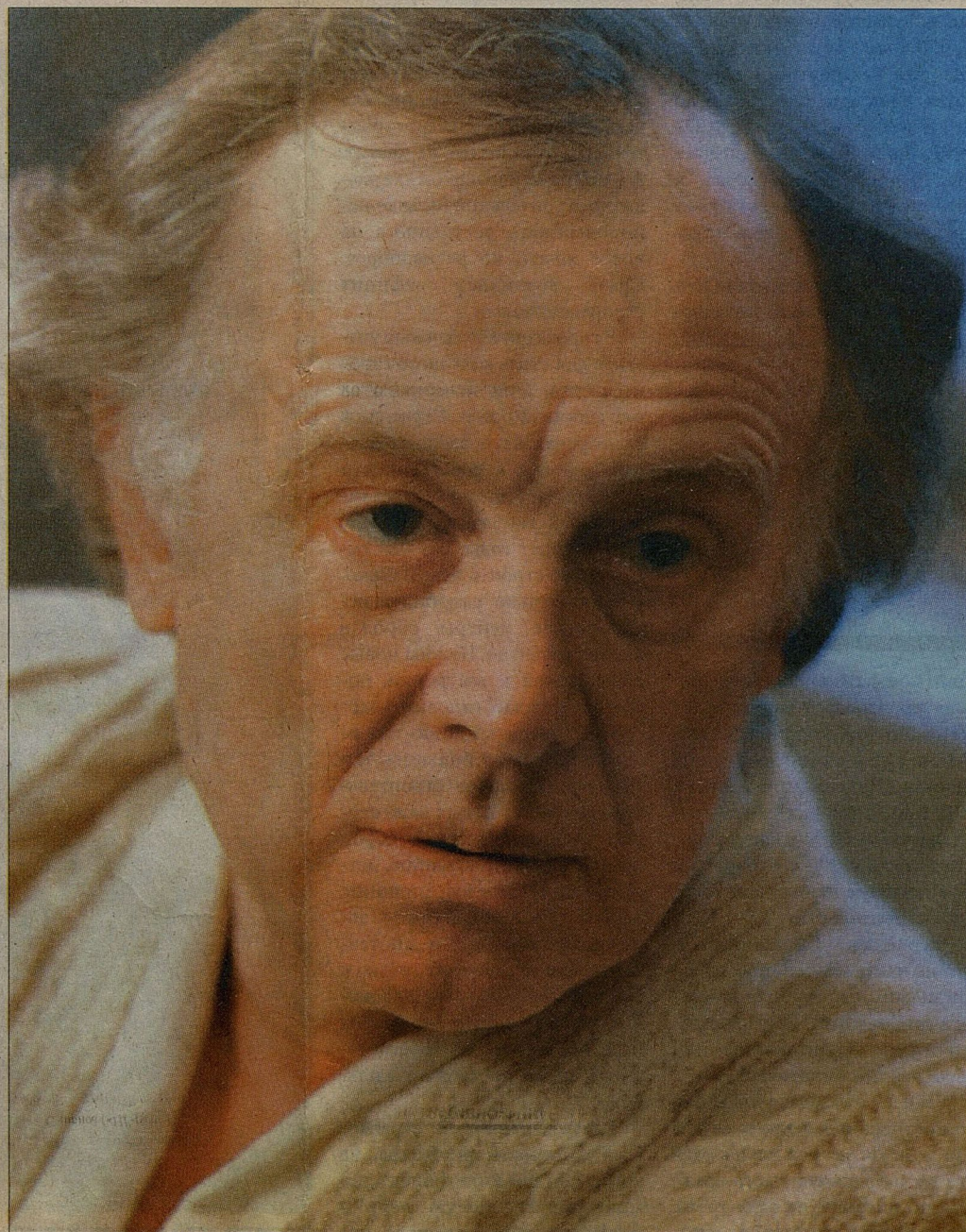
Энциклопедия сообщает, что родился он в деревне под Томском. Но не поясняет, почему именно там

Занят он был в «Царе Федоре Иоанновиче». Признаюсь, из прекрасного Алексея Константиновича Толстого к тем годам я знал лишь «Средь шумного бала», «Упырь» и «Заткни фонтан» – последнее в соавторстве, но, увы, не со мной. Страдающий царь на меня не произвел особого впечатления. Зато произвел – Смоктуновский.

Если быть еще точнее – зал. В Малом актеры по островской еще привычке страшно громко кричали и топали сапогами, поэтому зрители шушукались и шуршали обертками. Смоктуновский говорил почти шепотом. Но говорил так значитель-

ных свое, со сцены, но оставлял в беседке за кисейными занавесками. Это было эффектно и красиво, вот только актерам в беседке было ровным счетом нечем заняться – разве что слушать монолог про орлов и курапаток.

Так вот, Смоктуновский, чтобы скрасить паузу, рассказывал столь заразные анекдоты, что партнеры давились и держались за животы – ведь они должны были не смеяться, но – имитировать тихую дачную интеллигентную беседу... Как-то я пересказал этот эпизод одному молодому режиссеру. Странно, сказал тот, я читал у

Он был гений.

Калягина в мемуарах, что Смоктуновский, напротив, всегда был тих, застенчив и никаких анекдотов никогда не рассказывал. Здесь, как в старом анекдоте: по-видимому, кому рассказывал, а кому нет.

Я не раз слышал, что на сцене Смоктуновский был прекрасным партнером. При том, что про некоторых очень известных актеров знаю, что партнеры они паршивые, из тех, кто вечно тянет одеяло на себя. Он был благодарен. И по происхождению, и по судьбе. Энциклопедия сообщает, что родился он в деревне под Томском. Но не поясняет – почему именно там. Остается догадываться: быть может, он был из семьи ссыльных поляков... Удивительно, прошло ровно тридцать лет, как он получил звание народного, и десять, как его не стало, но знаем мы о нем немного. Советский словарь умалчивает, что он уже во взрослом возрасте хлебнул ссылки. И дебют его состоялся не в 56-м году в Ленинграде, а в 46-м – на Колыме. Есть легенда, что был он доходягой, что спас его Георгий Жженов, с которым они потом играли в лагерной труппе.

Я не театровед и излагаю лишь свои впечатления зрителя и современника. Но прежде чем брать за эту статью, я позволил нескольким театральным критикам. И задал один и тот же вопрос: что вы знаете о Смоктуновском. Не стовариваясь, мне ответили одинаково: как что? – что он был гений. Про актеров так говорят очень редко. Одна критик женского пола, впрочем, рассказала, что он очень любил во дворе своего московского до-

ма – на бульваре, на московском сленге дом назывался «кишка», потому что там был длинный продуктовый магазин, занимавший весь первый этаж, – возиться со своей немолодой «Волгой». Что ж, тоже деталь, в Красноярском крае «Волги» у него наверняка не было. И, кто знает, не полюбил ли он свою машину особенно страстно после знаменитой картины «Берегись автомобиля»...

Петь ему дифирамбы как-то и неуместно. Да и нужды нет. Владимир Меньшов очень ясно в фильме «Москва слезам не верит» в известной сцене, где Смоктуновский играет самого себя, показал и его масштаб, и его скромность. Это тот случай, когда можно лишь восхищаться, затаив дыхание, и тихо плакать, что его уже так давно нет с нами. А на самом деле – продолжает быть.

Можно лишь напомнить, что неблагородный человек не способен сыграть благородство. Ну, как глупый – изобразить ум. А он сыграл много ролей, изображая людей, для которых именно благородство была их родовая черта. От Гамлета до Деточкина, от мягкого ироничного физика Куликова до Моцарта. Это был его стиль, если угодно, артиста и человека – стиль проживания жизни.

Кажется, он был мудр. И свою профессию нес очень достойно и умно – а ведь профессия комедианта, случается, не очень идет мужчине. Он очень высоко поднял свое призвание. И не только зрители, но и коллеги должны быть ему за это благодарны по гроб жизни. ■